

* * *

В весенний день поговорить
Неве б хотелось, может быть,
С Большим Каналом о величье
Своем и прелести чужой,
О том, что он, и впрямь Большой,
Ей мил, как брат, при всём различье.

О том, насколько ж, хмурой, ей
Живется горше и трудней,
Как страшны зимние метели,
Но есть и май, и забытьё,
И постарались для нее
Кваренги, Росси и Растрелли.

И, может быть, большой Канал
К ней развернулся б и сказал,
Что блеск закатов и рассветов,
И самых мрачных, ей идет,
А про гранит ее и лед
От русских знает он поэтов.

* * *

Венецианскую вазочку эту
В лавочке мы на канале купили.
Как разноцветная тянется к свету,
Как современна она в своем стиле
Без выкрутасов, зато живописна,
Словно облеплена сплошь лепестками,
Каждый по-своему блещет, как призма,
Будто ее рисовали мазками.

Ей и цветы не нужны, между прочим,
Наша метель к ее выгоде даже,
Зимняя дрожь и древесные корчи,
Белая мгла в законном пейзаже.
Точку поставлю, собой недоволен,
Пальцы сплетя и сжимая до хруста:
Не о чем больше подумать мне, что ли?
Не о чем: всё остальное так грустно!

* * *

Вспоминая Венецию в Вырице,
Эти хвойные волны вбирая,
Что хотели бы выбраться, вырваться
И разлиться по воле без края,
Я подумал, что Вырица-скромница
Тот же сумрак лелеет и глянец,
Хоть в ней не был и ей не припомнится
Никогда ни один итальянец!

Вспоминая Венецию в Вырице,
Ее мхи озирая и ели,
Я подумал, что многое видится
Проще, чем оно есть в самом деле,
И прекрасное скрыто в неизвестности,
И, наверное, Бог, не скучая,
Любит самые скромные местности,
От прославленных не отличая.

* * *

Собор убери из Флоренции яркий,
Его многоцветные ниши и арки,
Инкрустационный мерцающий свет
И весь этот лоск без единой помарки,
Представь, что его во Флоренции нет.

Забудь усыпальницу Медичи тоже
С тем Утром и Ночью на мраморном ложе,
Представь, что ни Вечера нету, ни Дня,
И нет Санте Кроче резной, белокожей,
Ты скажешь: Зачем ты пугаешь меня?

Представь, никакого музея Уффици
С его Ботичелли, свои небылицы
Являющим так, что пристыжена явь.
И нет Рафаэля с его яснолицей
Марией, и нет Леонардо, представь!

И это Флоренция та, по которой
Так Данте скучал и своею опорой
В изгнание считал, разгоняющей мрак
Надеждой, защитой, Мадонной, Авророй,
За что же, ты спросишь, любил ее так?

* * *

Не комната даже, а зал с зеркалами,
С камином из желтого мрамора, стены
Украшены сверху лепными цветами,
Под ними во всю ширину гобелены
С морскими коньками и птицами, лотос
И лилии тут же, и листья банана.
И письменный стол с инкрустацией, глобус
На нем, а зачем, — непонятно.

Диана —

Охотница, в комнате ей тесновато.
И кресло на львиных подогнутых лапах.
Зачем эта пышность, не знаю. Так надо?
И сладкий, сырой, устоявшийся запах.
И в плиточном, черном полу перламутра
Кусочки, чтоб ими могли любоваться
И в сумерках зимних, тем более, утром,
И всё это в старом, осевшем палаццо
С побитым фасадом и ставнями, косо
Висящими, сумрачно как-то, безглазо.
— Я здесь остаюсь, — никакого невроза,
Сомненья, тоски у героя рассказа.
Он здесь остается в счастливом припадке
Любви к этой роскоши, неге и лени.
А я бы, конечно, бежал без оглядки,
Боясь, сам не знаю чего, украшений?

* * *

Продавал бы стихи, как художник свои картины,
И они бы в одном экземпляре хранились где-то,
Утешая кого-то средь горестей и рутины, —
Как меня бы печалило и удручало это!
Перечесать невозможно, рукою не дотянуться,
И гордился бы тем обладатель стихотворенья,
Что он может забыть его, может к нему вернуться,
Может гостю-ценителю дать его для прочтения.

Почему я такую представил себе нелепость?
Потому что на вилле в Италии под Миланом
Видел несколько чудных работ, словно узник в крепость
Заточенных, — и мне это вдруг показалось странным,
Видел несколько русских полотен: то лес, то поле,
И студенты на практике, пьющие чай под тентом,
А в Италии кто же поймет, как на вольной воле
Пьется чай? Потому что я сам был таким студентом.

* * *

А лучшею статуей в мире покажется Лаокоон,
В шестнадцатом веке отрыли, достали ее из пелен
Сухих, каменистых, сыпучих, — и был Микеланджело тут
Как тут, и была она лучше, чем весь титанический труд
Его, — так ему показалось, когда привели его в сад,
Где словно волна прогибалась, ступенчатый прыгал каскад
Лепной, — за такую находку чего не отдашь: из земли
То Фавна, то нимфу-красотку, а здесь сразу трех извлекли,
Одною лозой перевитых, на палый, разлапистый лист
Похожих, служа нам в обидах примером — так замысел чист!